

М. А.
КУЗМИН

Избранное

Михаил Алексеевич Кузмин

Бабушка Маргарита

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311512

Михаил Кузмин «Стихи и проза»: Современник; Москва; 1989

Аннотация

Художественная манера Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) своеобразна, артистична, а творчество пронизано искренним поэтическим чувством, глубоко гуманистично: искусство, по мнению художника, «должно создаваться во имя любви, человечности и частного случая».

Содержание

I	4
II	9
III	13

Михаил Кузмин

Бабушка Маргарита

I

Бабушке была отведена самая темная комната. Она сама ее выбрала, находя, что там будет очень удобно стоять ее комодам и что все равно почти все время она будет проводить в общих комнатах, помогая по хозяйству и занимаясь с внучкой Сонечкой. Она бы охотно занималась и со старшим, Жоржем, но в гимназиях учат совсем не так, как в институтах сорок лет тому назад, да и то, что она знала, путалось в ее голове.

— Кто испытал в жизни столько несчастий, тот легко может иметь голову не совсем свежей.

Так говорила Маргарита Дмитриевна, очевидно имея в виду себя и свою жизнь. Но жизнь ее не была так несчастна, как ей казалось. Конечно, к шестидесяти годам бабушка была уже вдовой, жила у замужней дочери в полутемной комнате, всегда ища работы, но наполовину она все это делала добровольно, и потом это доставляло ей неисчерпаемый материал для жалоб, с которыми она адресовалась обыкновенно к своей еще институтской подруге Лизаньке Монбизу.

Лизанька давно уже жила во вдовьем доме, была очень

бедна и приходила от времени до времени к Кудрявцевым пообедать, провести вечер и даже переночевать в бабушкиной комнате. Эти визиты были настоящим праздником для Маргариты Дмитриевны. Сколько рассказов, воспоминаний и жалоб, особенно жалоб! Бабушка любила жаловаться и даже, представляя себе некоторые события или обстоятельства, несколько перекрашивала их в более мрачные и безнадёжные краски, чтобы иметь новый сладостный источник для жалоб. Было трогательно видеть двух институток, которым вместе было полтора года лет, но которые, как двадцатилетние девушки, секретничали и изливались, лежа в темной бабушкиной каморке. Лизанька Монбизу была существо до такой степени доверчивое, что иногда даже сама просила знакомых:

– Вы мне, пожалуйста, господа, не врите, потому что я всему поверю.

Притом она часто приходила в ужас и все любила видеть в приятных и чувствительных тонах, так что более подходящую слушательницу для Маргариты Дмитриевны трудно было бы найти, потому что, преодолевая радостное недоверие Лизаньки, бабушка сама себя убеждала в реальности своих печальных фантазий. Монбизу знала все истории бабушки, но или забывала их, или ее воображение после каждого раза вновь получало свою девственность, как Магометовы гурии, во всяком случае, внимание и впечатлительность ее не зависели от свежести мрачных новостей.

Маргарита Дмитриевна со скорбным восторгом говорила, лежа на плохенькой кровати:

– Вот уж больше полугода Михаил Николаевич без места ходит, поди, все сбережения прожил! Еще я у них на шею сижу! Мне просто совестно Анюте в глаза смотреть.

– Ну что вы, Риточка! Вы же помогаете им по хозяйству, и они вас любят. Не объедите же вы их, в самом деле!

– Не говорите. Я сама знаю, каково им, и стараюсь, как могу; хотя не так я была воспитана, но жизнь не для всех может быть праздником.

– Да, вы правы! – вздыхает гостя со своего дивана. Помолчав, бабушка продолжает.

– Я не виню Анюту, она сама бьется, как рыба об лед, притом так не экономна. А Михаил Николаевич хоть бы пальцем двинул! Конечно, человеку благородному трудно пороги обивать, я ничего не говорю, но ведь он не барон же какой-нибудь, простой попович, и делал бы это для себя и для своей семьи. Не хочешь работать, хочешь барина изображать – тогда не женись, не плоди детей! И ведь мало ли что приходится делать, к чему никакой склонности не имеешь. Вот я тоже не рассчитывала в бедные родственницы, в приживалки попасть!

– Ангел мой! Ну какая же вы приживалка?! Как вам могут в голову приходиться такие мысли?!

– Вы мне не говорите! Я сама лучше знаю, и даже прислуга так на меня, смотрит, и дети тоже. Этот Жорж у них шалопай

невероятный – прямо каторжником растет.

– Но, Риточка, ангел мой, отчего же вы не скажете Анне Петровне? У нее же есть чувства, и как-никак она вам дочь и любит вас.

– Захотели от нынешних детей любви! Она и мужа-то своего не любит. Положим, любить-то его особенно не за что.

– А что? Разве изменяет? Она такая душечка, Анюта!

– Наверное, изменяет: разве можно верить теперешним мужьям!

Помолчав, бабушка снова заводит:

– Не знаю, как они только жить будут без жалованья, без денег.

– Бог милостив. Михаил Николаевич найдет место. А потом, ведь мало ли что может случиться? Можете наследство откуда-нибудь получить.

– Да нет, откуда же? Разве от сестры, Павлы Дмитриевны?

– Ну, вот от нее и получите.

– Вряд ли: во-первых, она на наших сердита и едва ли им откажет что-нибудь, а во-вторых, она – невероятная упрямец: если только узнает, что наследники нуждаются, – нарочно еще лет пятьдесят проживет. И самой хотеться не будет, а проживет.

– Это же – невозможные вещи!

Уже потушив свет, при одной лампадке, Маргарита Дмитриевна вдруг спросила:

– А вас клопы, Лизанька, не кусают?

– Нет, не чувствую. А разве есть?

– Еще какие! Как коровы! Я все ночи напролет не сплю...

– Так отчего же вы их не выведете?

– Да как же их выведешь? Разве это возможно?

– Отчего же? У Кошкиных уж на что было клопов, да и то всех вывели.

– Так вы забываете, что Кошкины – богатые люди. Это совсем другое дело. А человек бедный – сиди да терпи. Ничего не поделаешь!

– Риточка, может быть, вы хотите... позвольте, чтобы я поговорила с Анной Петровной?

Но бабушка только махнула рукой, от которой на стене будто подняли и опустили шлагбаум.

II

Но очевидно, Лизанька Монбизу все-таки поговорила с Анной Петровной, потому что через несколько дней рано утром пришли в каморку Маргариты Дмитриевны клопоморы с какой-то кишкой, из которой выходил горячий пар, и стали действовать. Бабушка и тут навела критику, что клопы все равно оживут после кишки и лучше бы смазать их искусной эссенцией. Потом стала уверять, что клопоморы стащили у нее с комода деревянную коробочку из-под конфет. Вообще, была крайне недовольна и обижена и на своих, и на Лизаньку, даже назвала ее сплетницей, что, мол, она, бабушка, всем довольна, а та так повернула дело, что будто Маргарита жаловалась. Анна Петровна, наоборот, была в очень веселом настроении и не скрывала этого. Бабушка и на это обиделась:

– Что это ты, Аня, так развеселилась? Кажется, не с чего бы.

– Просто так: весело – и весело! Разве я виновата?

– Беззаботная ты, Аня, необычайно. Сама знаешь, каково наше положение, какие обстоятельства, – до веселья ли тут?

– Но если я буду грустна, то ведь этим горю не поможешь, только духом упадешь. А потом, наши дела совсем уже не так плохи: Мише обещали хорошее место.

– Какие теперь могут быть места? Я говорила, что нужно на Высочайшее Имя прошение подавать, все-таки ты – генеральская дочка.

– Нет, это место верное, сегодня пришла бумага, – сказал, входя, сам Кудрявцев.

– Может быть, бумага-то неправильная, у министра могут быть однофамильцы. У меня был знакомый Шереметьев, настоящий Шереметьев, только не граф, а никакой он не был Шереметьев, а просто мазурик. Всем векселей надавал; думали, что из скромности не подписывается графом, а потом, как пришло время платить, ничего и не получили. Подпись еще ничего не значит.

– Ну, тут это едва ли произойдет.

– Да я ничего. Дай Бог, чтобы все так вышло, как ты говоришь. По крайней мере, Анята вздохнет, да и о сыне надо подумать: вряд ли прок из него выйдет!

– Отчего? Ученье у Жоржа идет очень порядочно.

– Не про ученье я говорю, а про воспитанье. Конечно, это не мое дело, но что я вижу, то вижу.

За обедом был горох, который бабушка очень любила. Анна Петровна сказала:

– Вот, мама, ваш любимый горох.

Маргарита Дмитриевна сразу обиделась:

– Что ж? Я прежде очень любила его, но в детстве мало ли какую дрянью ешь? Напрасно ты беспокоилась, Анята, горох ведь очень вреден для желудка. Конечно, вам теперь

нельзя еще разносолов заводить. Вот если место выгорит, наверно, журфиксы будешь устраивать. Тогда, пожалуйста, не стесняйся: из моей комнаты можно устроить курилку или закусную.

– Зачем же мы будем вас тревожить? Да и потом, я никаких празднеств устраивать не собираюсь.

– Да что ты, Анюта! Раз в неделю могу же я с Машей переночевать!

– Да, кстати, я Машу вчера рассчитала. Ведь и вы, кажется, были ею не особенно довольны? Действительно, она очень распустилась.

– Я недовольна Машей? Да мне-то какое дело? Хоть она вам на голову садись. Нельзя быть такой требовательной к прислуге: они – такие же люди.

– Вообще, она мне не подходила.

– Это твое дело. Маша хоть воровкой не была.

Подали телеграмму: «Павла Дмитриевна тихо скончалась, все состояние – Кудрявцевым, немедленно выезжать».

Анна Петровна перекрестилась и радостно взглянула на мужа.

– Ну, теперь, мама, кажется, все ваши желания исполнились?

– Я смерти никому не желала. А потом, с этими телеграммами такая выходит путаница! Всегда нужно телеграфисту двугривенный дать, чтобы не напутал. У Сергеевых мать умерла, а телеграмму получили: «Поверни ключ нале-

во» – на всех даже страх напал.

III

Действительно, казалось, желания Маргариты Дмитриевны, даже самые тайные, исполнились. Никакие душевные протесты не помогли. Зять ее получил настоящее, неподдельное место, сестра ее в самом деле умерла, накрепко отказав все состояние Анне Петровне, Маша была упразднена, Жорж выдержал экзамены, между Михаилом Николаевичем и его женою было полнейшее согласие, и клопы были выведены. Но все это даже как-то мало касалось теперь бабушки Маргариты, потому что она жила уже отдельно в небольшой квартире, на покое. Но именно это благополучие и покой и делали Маргариту Дмитриевну поистине несчастной, лишив ее как бы права жаловаться. Лизанька Монбизу, которая по-прежнему к ней ходила, сделалась сразу почти ненужной. Что было теперь говорить, в чем изливаться? Все было спокойно, благополучно. Только Маргарита Дмитриевна сделалась более тихой и печальной – как-то погасла.

– Вы, Риточка, будто недовольны? Кажется, вам бы теперь жить да Бога славить, редко кому такое счастье дается!

– Я на Бога и не ропщу, а про Анюту всегда скажу: покуда была нужна, держали и холили, а как разбогатели, так и иди, куда хочешь.

– Так ведь вам же гораздо удобнее теперь, чем было с вашими!

Бабушка только скорбно улыбнулась.

– Уж лучше бы меня в богадельню определила за ненадобностью: прямее было бы, откровеннее. Убирайся, мол, старая рухлядь! Если бы богата была, как Павла покойница, так небось ходили бы на задних лапках, а я же не виновата, что муж мой не воровал. И то всем, что имела, делилась с Анютой!

Напрасно Лизанька расхваливала бабушкину квартиру, находя, что она и теплая, и светлая, и клопов нет.

– Клопов и там у меня не было.

– Сами же вы жаловались!

– Когда это? Вы, Лизанька, на меня, как на мертвую, наговариваете. Я еще из ума не выжила, все отлично помню: премилая была комнатка! Да и потом, когда семьей живешь, всегда лучше уход. А ведь теперь, что со мною прислуга делает? Запрет обе двери снаружи да и уйдет – сиди, как дура, взаперти...

– Неужели так осмеливается?

– Да еще как! За милую душу!

Бабушка сама обрадовалась, найдя новый ресурс для волнений, потому что без волнений, притом печальных, она не понимала жизни. Положим, коварство новой прислуги было целиком выдуманно Маргаритой Дмитриевной, но разве для ее сердца было это не все равно?

Впрочем, скоро она была утешена уже не выдуманной радостью. Внук Жоржик, который выдержал так хорошо экза-

мен, был пойман с горничной в коридоре. Маргарита Дмитриевна надела даже шоколадное шелковое платье по этому случаю и отправилась к дочери. Начала она издалека, желая продлить удовольствие; поговорила обо всем, о чем полагается, и в конце только спросила:

– Что же, Анюта, за границу собираетесь?

– Да, муж уже достал билеты.

– Как же детей-то оставишь?

– Я их беру с собой. Жорж совсем большой уж.

– За большими-то еще больше присмотра нужно. Теперь так быстро развиваются, что не успеешь оглянуться, как в прабабушки попадешь.

Анна Петровна поняла вызов Маргариты Дмитриевны, но не приняла его, а промолчала, так что умолкла и оскорбленная бабушка, а когда вечером пришла к ней Лизанька Монбижу, та ее не пустила к себе, сославшись на мигрень, и никогда не жаловалась на эту последнюю обиду, переполнившую, по ее мнению, чашу ее терпения.